

К.МАРКС

НИЦЕТА
ФИЛОСОФИИ

Сборник подготовлен к печати *Л. И. Гольманом*

Работа К. Маркса «Нищета философии»
подготовлена к печати *В. К. Брушлинским*
при участии *В. А. Морозовой*

Редактор *О. К. Сенекина*

★

*Сдано в набор 10 августа 1956 г. Подписано
к печати 1 ноября 1956 г. Формат
60×92¹/₁₆ Физ. печ. л. 11¹/₂. Условн печ л.
11,5. Уч-изд. л. 11,45. Тираж 50 тыс экз.
Заказ № 1534. Цена 4 руб.*

★

*Государственное издательство
политической литературы,
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.*

★

*Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К.МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

**ОТВЕТ
НА «ФИЛОСОФИЮ НИЩЕТЫ»
Г-НА ПРУДОНА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1956

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

В настоящем издании работа К. Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» публикуется по тексту 4-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, 2-е издание, 1955 г. Перевод предисловий Ф. Энгельса к 1-ому и 2-ому немецким изданиям (1885 и 1892 гг.) заново сверен с оригиналом и уточнен.

В разделе «Приложения» публикуются работы К. Маркса «Речь о свободе торговли», отрывок из книги «К критике политической экономии» и письмо И.-Б. Швейцеру о Прудоне от 24 января 1865 года. Эти работы были в свое время включены Ф. Энгельсом в немецкие издания «Нищеты философии» 1885 и 1892 гг. в качестве дополнительного материала. В составе приложений дается также письмо К. Маркса П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г., примыкающее по своему содержанию к «Нищете философии». Работы, вошедшие в приложения, публикуются в хронологической последовательности, по датам их написания. Издание снабжено примечаниями справочного характера и указателем имен.

*Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

К. МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ОТВЕТ НА «ФИЛОСОФИЮ НИЩЕТЫ»
Г-НА ПРУДОНА ¹

*Написано К. Марксом в первой половине
1847 г.*

*Впервые напечатано отдельной книгой
в Париже и Брюсселе в 1847 г.*

Подпись: К а р л М а р к с

*Печатается по тексту издания 1847 г.
с учетом поправок, сделанных
в немецких изданиях 1885 и 1892 гг.
и во французском издании 1896 г.*

Перевод с французского

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое произведение было написано зимой 1846—1847 гг., — в то время, когда Маркс окончательно уяснил себе основные черты своих новых исторических и экономических воззрений. Только что вышедшая тогда книга Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты»² дала ему повод обстоятельно изложить эти основные черты в противоположность взглядам человека, которому предстояло занять с этой поры самое видное место среди французских социалистов той эпохи. С того времени, когда оба они в Париже часто целые ночи напролет спорили по экономическим вопросам, пути их расходились все больше и больше; сочинение Прудона доказало, что теперь уже между ними лежит непроходимая пропасть, игнорировать которую тогда стало уже невозможно, и Маркс в этом своем ответе констатировал окончательный разрыв.

Обобщающий отзыв Маркса о Прудоне читатель найдет в помещенной вслед за этим предисловием статье, появившейся в 1865 г. в №№ 16, 17 и 18 берлинского «Social-Demokrat» *. Это была единственная статья, которую Маркс написал для этой газеты; обнаружившиеся вскоре попытки г-на фон Швейцера направить газету по феодальному и правительственному руслу вынудили нас уже через несколько недель публично отказаться от сотрудничества в ней.

Для Германии предлагаемое произведение имеет именно в настоящий момент такое значение, какого сам Маркс никогда не предвидел. Мог ли он знать, что, направляя свои стрелы в Прудона, он попадет в кумира современных карьеристов — Родбертуса, которого Маркс в то время не знал даже по имени?

* См. стр. 164—170 настоящего издания. *Ред.*

Здесь не место подробно останавливаться на отношениях между Марксом и Родбертусом; случай для этого мне очень скоро представится³. Замечу здесь только, что когда Родбертус обвиняет Маркса в том, что последний его «ограбил» и, «не цитируя, широко использовал в своем «Капитале» его произведение «К познанию»⁴», то в азарте он доходит до клеветы, объяснимой лишь раздражительностью непризнанного гения и его удивительной неосведомленностью в том, что происходит за пределами Пруссии, особенно же в социалистической и экономической литературе. Ни эти обвинения, ни упомянутое произведение Родбертуса никогда не попадались Марксу на глаза; из сочинений Родбертуса он вообще был знаком только с его тремя «Социальными письмами»⁵, да и то никак не раньше 1858 или 1859 г.

С большим основанием Родбертус утверждает в этих письмах, что «прудоновская конституированная стоимость» открыта им еще до Прудона; но и тут он, конечно, снова ошибочно тешит себя тем, будто он *первый* сделал это открытие. Следовательно, он, во всяком случае, тоже подвергся критике в предлагаемом произведении, и это заставляет меня вкратце остановиться на разборе его «основополагающего» сочиненьица «К познанию нашего экономического строя», 1842, поскольку оно, кроме содержащегося в нем (опять-таки бессознательно) вейтлинговского коммунизма, предвосхищает также и Прудона.

В той мере, в какой современный социализм, независимо от направления, исходит из буржуазной политической экономии, он почти без исключения примыкает к теории стоимости Рикардо. Из обоих положений, которые Рикардо провозгласил в 1817 г. на первых же страницах своих «Начал»⁶: 1) что стоимость всякого товара определяется единственно и исключительно количеством труда, необходимого для его производства, и 2) что продукт всего общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата), — из обоих этих положений в Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала». Но об этом в другой раз. Следовательно, когда Родбертус в 1842 г., в свою очередь, сделал социалистические выводы из вышеприведенных положений, то для немца это было тогда, конечно, весьма значительным шагом вперед, но сойти за новое открытие сие могло разве только в Германии. В своей критике Прудона, страдавшего подобным же сомнением, Маркс показал, как мало нового было в таком применении теории Рикардо.

«Кто хоть мало-мальски знаком с развитием политической экономии в Англии», — говорит Маркс, — «тот не может не знать, что в разное время почти все социалисты этой страны предлагали *уравнительное* (т. е. социалистическое) * применение рикардовской теории. Мы могли бы указать г-ну Прудону на «Политическую экономию» Годскина, 1827 ⁷, на сочинения: Уильям Томпсон, «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью», 1824; Т. Р. Эдмондс, «Практическая, моральная и политическая экономия», 1828 ⁸, и т. д., и т. д., заполнив еще четыре страницы названиями таких раоот. Мы ограничимся тем, что предоставим слово одному английскому коммунисту, г-ну Брею. Мы приведем главнейшие места из его замечательного произведения «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению», Лидс, 1839 ⁹» **. Одних только цитат из Брея, приведенных здесь Марксом, достаточно для устранения значительной части претензий Родбертуса на приоритет.

В то время Маркс еще ни разу не бывал в читальном зале Британского музея. Кроме книг парижской и брюссельской библиотек, кроме моих книг и выписок, он просмотрел только те книги, которые можно было достать в Манчестере во время нашей совместной шестинедельной поездки в Англию летом 1845 года. В 40-х годах, следовательно, литература, о которой идет речь, отнюдь не была еще так недоступна, как, возможно, теперь. Если она все-таки оставалась все время неизвестной Родбертусу, то этим он обязан исключительно своей прусской провинциальной ограниченности. Он подлинный основатель специфически прусского социализма и таковым теперь, наконец, признан.

Однако Родбертусу не суждено было остаться в покое даже в его любезной Пруссии. В 1859 г. в Берлине вышла книга Маркса «К критике политической экономии, первый выпуск». Там в числе возражений, выдвигаемых экономистами против Рикардо, вторым приводится следующее — стр. 40:

«Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Или заработная плата должна быть равна продукту труда. Между тем, в действительности имеет место обратное». Маркс делает к этому следующее примечание: «Это возражение, приводимое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность формулы, они обвиняли практику в противоречии с теорией и приглашали буржуазное общество практически осуждать мнимый вывод из его теоретического принципа. Таким

* Слова в скобках принадлежат Энгельсу. *Ред.*

** См. стр. 56 настоящего издания. *Ред.*

способом, по крайней мере, английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии»¹⁰. В том же примечании Маркс ссылается на свою книгу «Нищета философии», которая в то время была еще повсюду в продаже.

Родбертус имел, следовательно, сам полную возможность убедиться, были ли действительно новы его открытия 1842 года. Вместо этого он продолжает постоянно возвещать о них и считает их столь бесподобными, что ему даже в голову не приходит, что Маркс мог самостоятельно сделать выводы из теории Рикардо с таким же успехом, как это сделал он сам, Родбертус. Где там! Маркс «ограничил» его, — его, которому тот же Маркс предоставил все возможности удостовериться в том, что эти выводы, по крайней мере, в той грубой форме, какую они еще имеют у Родбертуса, задолго до них обоих уже были высказаны в Англии!

Вышеизложенное и представляет собой простейшее социалистическое применение теории Рикардо. Такое применение во многих случаях приводило к взглядам на происхождение и на природу прибавочной стоимости, идущим гораздо дальше, чем взгляды Рикардо; так было, в числе других, и у Родбертуса. Но, не говоря уже о том, что все достигнутое им в этом отношении было по меньшей мере так же хорошо выражено уже до него, он, подобно своим предшественникам, страдает тем, что некритически заимствует экономические категории — труд, капитал, стоимость и т. д. — в их грубой, выражающей лишь поверхность явления форме, перешедшей к нему по наследству от экономистов, не исследуя содержания этих категорий. Этим он не только отрезает себе всякий путь к дальнейшему развитию, в противоположность Марксу, впервые сделавшему нечто из этих положений, о которых твердят вот уже 64 года, — но и открывает себе, как увидим ниже, прямой путь к утопии.

Указанное применение теории Рикардо, — что рабочим как единственным действительным производителям принадлежит весь общественный продукт, *их* продукт, — ведет прямо к коммунизму. Но, как указывает Маркс в вышеприведенных строках, в экономическом смысле этот вывод формально ложен, так как представляет простое приложение морали к политической экономии. По законам буржуазной экономики наибольшая часть продукта *не* принадлежит рабочим, которые его произвели. Когда же мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть, — то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Поэтому Маркс никогда не основывал своих коммунистических требований на таких доводах, а основывал их на неизбежном, с каждым днем все более и более осуществляющемся на наших глазах крушении капиталистического

способа производства; Маркс говорит только о том простом факте, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда. Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть тем не менее верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт уже сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых тот факт стал невыносимым и несохранимым. За формально ошибочным экономическим положением может быть, следовательно, скрыто очень верное экономическое содержание. Здесь не место более подробно говорить о значении и истории теории прибавочной стоимости.

Но из теории стоимости Рикардо можно, кроме того, делать еще и другие выводы, и их делали. Стоимость товаров определяется необходимым для их производства трудом. А между тем оказывается, что в нашем грешном мире товары продаются то выше, то ниже своей стоимости, и притом не только вследствие колебаний, вызываемых конкуренцией. Норма прибыли имеет такую же тенденцию выравниваться до одного уровня для всех капиталистов, как цены товаров имеют тенденцию сводиться посредством спроса и предложения к их трудовой стоимости. Но норма прибыли исчисляется по отношению ко всему капиталу, вложенному в промышленное предприятие. А так как в двух различных отраслях промышленности годовой продукт может воплощать одинаковые количества труда и представлять, следовательно, равные стоимости, а заработная плата в обеих отраслях также может быть одинаковой, но капиталы, авансированные в одну отрасль промышленности, могут быть, и часто бывают, вдвое или втрое больше, чем в другой, то закон стоимости Рикардо вступает здесь в открытое уже самим Рикардо противоречие с законом равной нормы прибыли. Если продукты обеих отраслей промышленности продаются по их стоимостям, то нормы прибыли не могут быть равными; при равных же нормах прибыли продукты обеих отраслей промышленности не всегда могут продаваться по их стоимостям. Мы имеем здесь, следовательно, противоречие, антиномию двух экономических законов, на практике разрешаемое, по мнению Рикардо (гл. I, отделы 4 и 5)¹¹, обыкновенно в пользу нормы прибыли за счет стоимости.

Но рикардовское определение стоимости, несмотря на свои злоеющие свойства, имеет одну сторону, вследствие которой оно любо-дорого для добропорядочного буржуа. Оно с непреодолимой силой взывает к его чувству справедливости. Справедливость и равенство прав — таковы основные устои, на которых буржуа XVIII и XIX веков хотел бы построить себе общественное здание после разрушения феодальных несправедливостей, неравенств

и привилегий. Определение же стоимости товаров трудом и совершающийся на основании этой меры стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами — таковы, как уже доказал Маркс, реальные основы, на которых воздвигнута вся политическая, юридическая и философская идеология современной буржуазии. Раз установлено, что труд есть мера стоимости товара, то добропорядочный буржуа должен чувствовать себя крайне оскорбленным в своих лучших чувствах со стороны нечестивого мира, который на словах этот основной закон справедливости признает, на деле же, повидимому, ежеминутно самым бесцеремонным образом отвергает. И особенно мелкий буржуа, честный труд которого, — хотя бы даже это был только труд его подмастерьев и учеников, — изо дня в день все больше обесценивается конкуренцией крупной промышленности и машин, особенно мелкий производитель должен тосковать по такому обществу, в котором обмен продуктов по их трудовой стоимости будет, наконец, полной и безусловной истиной. Другими словами: он должен тосковать по такому обществу, в котором действует исключительно и без ограничений только один закон товарного производства, но устранены те условия, при которых он только и может иметь силу, а именно остальные законы товарного, а затем и капиталистического производства.

Как глубоко проникла эта утопия в мышление современного — по действительному положению или по воззрениям — мелкого буржуа, доказывает тот факт, что уже в 1831 г. она была систематически развита Джоном Греем, в 30-х годах в Англии производили опыт осуществления ее на практике и широко пропагандировали в теории; в 1842 г. она была провозглашена в качестве новейшей истины Родбертусом в Германии, в 1846 г. — Прудонм во Франции, в 1871 г. еще раз возведена Родбертусом в качестве решения социального вопроса и как бы его, Родбертуса, социального завещания, а в 1884 г. она снова находит приверженцев среди армии карьеристов, которые стараются использовать прусский государственный социализм, прикрываясь именем Родбертуса.

Критика этой утопии, направленная Марксом как против Прудона, так и против Грея (см. приложение к этой книге *), носит настолько исчерпывающий характер, что я могу ограничиться здесь несколькими замечаниями о специально родбертусовской форме ее обоснования и изложения.

Как уже сказано, Родбертус воспринимает ходячие определения экономических понятий целиком в той форме, в какой они перешли к нему по наследству от экономистов. Он не делает ни малейшей попытки исследовать их. Стоимость для него есть

* См. стр. 160—163 настоящего издания. *Ред.*

«количественная значимость одной вещи сравнительно с другими, когда эта значимость понимается как мера»¹². Это, мягко выражаясь, в высшей степени бессодержательное определение в лучшем случае дает нам представление о том, как приблизительно выглядит стоимость, но абсолютно ничего не говорит о том, что она такое. А так как это все, что Родбертус в состоянии нам сказать о стоимости, то понятно, что он ищет такую меру стоимости, которая находится вне стоимости. После того как он на целых тридцати страницах самым беспорядочным образом смешивает потребительную стоимость с меновой, проявляя такую силу абстрактного мышления, которая вызывает бесконечное восхищение г-на Адольфа Вагнера, он приходит к выводу, что действительной меры стоимости не существует и что приходится довольствоваться суррогатной мерой. В качестве таковой мог бы служить труд, но лишь в том случае, если бы продукты равного количества труда всегда обменивались на продукты равного же количества труда, независимо от того, «имеет ли этот случай место сам по себе или же осуществляются мероприятия», которые его гарантируют. Стоимость и труд остаются, следовательно, без какой бы то ни было реальной связи, хотя первая глава целиком посвящена разъяснению нам того, что товары «стоят труда», и только труда, и почему именно.

Труд опять-таки некритически берется Родбертусом в той форме, в которой он фигурирует у экономистов. Мало того. Хотя Родбертус и указывает в нескольких словах на различия в интенсивности труда, тем не менее он берет труд в самом общем виде как «обладающий стоимостью» и, следовательно, измеряющий стоимость — безразлично, расходуется ли он при нормальных средних общественных условиях или нет. Тратят ли производители десять дней на производство продукта, который может быть изготовлен в один день, или только один день; применяют ли они наилучшие или наихудшие орудия, употребляют ли они свое рабочее время на производство общественно-необходимых предметов и в общественно-необходимом количестве или изготавливают предметы, на которые нет никакого спроса, или предметы, на которые есть спрос, но в количестве большем или меньшем, чем они требуются, — обо всем этом и речи нет: труд есть труд, продукты равного количества труда должны обмениваться одни на другие. Родбертус, который в других случаях всегда готов, к стати и некстати, становиться на точку зрения целой нации и с высоты всеобщего общественного наблюдательного пункта обозревать отношения отдельных производителей, в данном случае боязливо этого избегает. И, конечно, только потому, что он с первой же строки своей книги прямо устремляется к утопии рабочих денег, а всякое исследование свойства труда создавать стоимость запрудило бы его русло рифами и сделало бы его непроходимым.

Инстинкт Родбертуса оказался здесь значительно сильнее его способности абстрактно мыслить, способности, которую, кстати сказать, можно открыть у Родбертуса только обладая весьма конкретной скудостью мысли.

Переход к утопии совершенен в одно мгновение. «Мероприятия», обеспечивающие обмен товаров по их трудовой стоимости в виде правила без исключений, не представляют для Родбертуса никаких затруднений. Другие утописты того же направления, от Грея до Прудона, мучились над тем, что, мудрствуя, измышляли общественные учреждения, которые должны были осуществить эту цель. Они пытались, по крайней мере, решать экономические вопросы экономическим же путём, основываясь на действиях самих обменивающихся товаровладельцев. У Родбертуса дело решается гораздо проще. Как истый пруссак, он апеллирует к государству, и реформа декретируется государственной властью.

Тем самым благополучно «конституируется» стоимость, но отнюдь не приоритет на это конституирование, который приписывает себе Родбертус. Наоборот, Грей и Брей — наряду со многими другими — задолго до Родбертуса повторяли до пресыщения ту же мысль — благое пожелание таких мероприятий, при помощи которых продукты всегда и при всех обстоятельствах обменивались бы только по их трудовой стоимости.

После того как государство таким образом конституировало стоимость, по крайней мере, части продуктов, — ведь Родбертус к тому же и скромн, — оно выпускает свои бумажные рабочие деньги и ссужает ими промышленных капиталистов, которые оплачивают ими рабочих, а эти последние покупают на полученные рабочие деньги продукты, возвращая таким путем бумажные деньги к их исходному пункту. Как восхитительно все это устривается, мы должны услышать от самого Родбертуса.

«Что касается второго условия, то мероприятие, необходимое для того, чтобы в обращении действительно была обозначенная на расписке стоимость, заключается в том, что только тот, кто действительно отдает продукт, получает расписку, на которой точно указывается количество труда, затраченного на изготовление этого продукта. Кто отдает продукт двух дней труда, тот получает расписку, на которой обозначено «два дня». Точным соблюдением этого правила при эмиссии должно с необходимостью выполняться и это второе условие. Так как действительная стоимость продуктов, согласно нашей предпосылке, всегда совпадает с количеством труда, потраченного на их изготовление, а это количество труда измеряется масштабом обычных подразделений времени, то лицо, доставляющее продукт, на который затрачено два дня труда, если оно получает расписку с отметкой о двух днях, имеет свидетельство, или ассигновку, на стоимость не большую и не меньшую той, которую оно действительно доставило; — и так как, далее, *только* тот получает такое свидетельство, кто действительно доставил продукт для обращения, то несомненно также, что отмеченная в расписке стоимость имеется в наличии для удовлетворения потребностей общества. Если это правило строго соблюдается, то какой бы широкий круг разделения труда ни представить себе, *сумма наличной стоимости должна быть в точности равна сумме стоимости,*

засвидетельствованной на расписках А так как сумма засвидетельствованной стоимости есть вместе с тем в точности сумма стоимости выданных ассигновок, то и последняя сумма должна в силу необходимости совпадать с количеством наличной стоимости, все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно» (стр. 166—167).

Если до сих пор Родбертус имел несчастье вечно запаздывать со своими новыми открытиями, то на этот раз, по крайней мере, ему можно поставить в заслугу одного рода оригинальность: в такой *детски-наивной*, прозрачной, можно сказать, истинно померанской форме ни один из его конкурентов не отважился высказать всю нелепость утопии рабочих денег. Так как под каждую расписку доставлен соответствующий носитель стоимости [Wertgegenstand] и ни один носитель стоимости, в свою очередь, не выдается иначе, как только после представления соответствующей расписки, то сумма расписок должна постоянно покрываться суммой носителей стоимости; сведение счета происходит без малейшего остатка, совпадение — до секунды труда, и ни один посевший на службе счетовод главной кассы государственного казначейства не в состоянии будет открыть в нем ни малейшей ошибки. Чего же еще более желать?

В современном капиталистическом обществе каждый промышленный капиталист производит на свой риск и страх — что, как и сколько хочет. Но общественная потребность остается для него неизвестной величиной точно так же, как и качество, род требуемых предметов, равно как и их количество. То, что сегодня не может быть достаточно скоро доставлено, может быть завтра предложено в количестве, далеко превышающем потребность. Тем не менее, так или иначе, хорошо или плохо, потребность, в конечном счете, удовлетворяется, а производство, в конце концов, направляется в общем и целом на требуемые предметы. Как же разрешается это противоречие? Конкуренцией. А как достигает этого конкуренция? Очень просто: заставляя снижать цены товаров, которые по своему роду или количеству не соответствуют в данный момент общественной потребности, ниже их трудовой стоимости, конкуренция этим окольным путем дает производителям почувствовать, что они произвели предметы, которые или вообще не нужны или сами по себе нужны, но произведены в ненужном, избыточном количестве. Отсюда вытекают два вывода.

Во-первых: постоянные отклонения цен товаров от их стоимостей составляют необходимое условие, при котором и в силу которого только и может проявляться сама стоимость товара. Только благодаря колебаниям конкуренции, а тем самым и товарных цен, прокладывает себе путь закон стоимости товарного производства, и становится действительностью определение стоимости товара общественно-необходимым рабочим временем. И если при этом форма проявления стоимости — цена — обыкновенно